

Краєзнавча сторінка.

В. А. ФЕСЕНКО.

К истории возникновения города Луганска.

(По материалам Окружного Архива).

В Луганском Окружном Архиве и в Окружном Музее имеется около сорока дел из бывшего Архива Правления Луганского литейного завода, относящихся к моменту его возникновения. Эти „Дела“ крайне разрознены. Начинаясь с 1796 года, они тянутся до 1851 и несколько далее. Чуть ни на каждый год приходится по одному делу. Это обнаруживает страшную опустошенность когда то огромного и ценного в научном отношении архива.

Уцелевшие «Дела» обязаны своим спасением гражданам города Луганска,—преподавателям Локтюшову С. А. и Стефановичу Н. И. Они передали эти Дела в Окружной Архив и в Музей. Благодаря им, я и познакомился с этим бывшим Архивом. Преподавая обществоведение в школе ФЗУ и на профкурсах при заводе им „Октябрьской Революции“, я в тех случаях, когда приходилось беседовать о крепостной фабрике, о зарождении промышленного капитализма в России и о возникновении города Луганска и его заводов, прямо приносил в класс старые почтенные шитки из грубой синей и подмоченной бумаги и по ним знакомил рабочих с историей их города и их заводов. Это возбуждало огромный интерес моих слушателей. Все хотели читать подлинные документы и видеть их в большом количестве. Поэтому я устраивал экскурсии в музей,—тогда Окружной Архив еще не был открыт. Затем, в Апреле этого года я прочитал публичную лекцию в самом музее для рабочих всех Луганских заводов.

Понятен интерес к прошлому своего родного города. Чтобы удовлетворить этот интерес широких масс и привлечь внимание к ценным материалам Окружного Архива, дать толчок к их изучению местными силами дабы эти материалы не лежали без пользы,—я решил написать данную работу исключительно по сырым архивным документам, сохраняя, насколько возможно, их язык—язык XVIII-го столетия.

1. Возникновение Луганского завода.

Из копии доклада генерала фельдцейхмейстера графа Зубова 10-го Ноября 1795 года царице Екатерине II-ой (Дело № 34 Архива Луганского завода) видно, что в 1794 году в Екатеринославскую губ., в уезды Бахмутский и Донецкий, был отправлен статский советник Гаскойн „для осмотра в приисканных в сих уездах железных руд и каменного угля в том предположении, что если эти вещества найдутся в достаточном количестве, то измерить падение вод в различных речках и протоках ради определения места к устройению завода... и сообразив выгоды его положения,—представить по сему поводу описание результатов своего путешествия“.

Гаскойн выполнил возложенное на него поручение и удостоверил, что „найденные в вышеозначенных уездах прииски железной руды и каменного угля по освидетельствовании обещают богатейшее и обильнейшее количество сих минералов в наилучшем качестве“. (В Делах Архива Луганского завода имеется копия с копии этого доклада).

Все эти изыскания, порученные правительством Екатерины II-ой иностранным специалистам, объясняются необходимостью быстро оборудовать и вооружить укрепления только что завоеванного побережья Черного Моря и вооружить возникший, в связи с этим завоеванием, флот—корабельный и гребной.

Для вооружения крепостей и флота, по исчислениям вице-адмирала Мордвинова, было необходимо 2814 пушек. Если их делать, как это было до сих пор, из меди, то потребуется 287,324 пуда меди и все сооружение обойдется в 6.693,501 рубль. Зубов докладывал, что такой расход на одну артиллерию—непоисен для казны. Кроме того, невозможно даже и в разные сроки отыскать столь великое количество меди для сооружения пушек. И вот этот чрезвычайно важный государственный вопрос был решен шотландским инженером Карлом Карловичем Гаскойном, имевшим свой пушечный чугунно-литейный завод у себя на родине, в Карроне и приехавшим на службу в Россию еще в 1788 году.

Гаскойн указал русскому правительству выход из положения. Опираясь на вышеуказанные изыскания в Бахмутском и Донецком уездах (главный город Донец—теперешний Славяносербск), Гаскойн предложил лить пушки не из меди, а из чугуна, построив для этого чугунно-литейный завод у селения Каменный Брод, близ речки Лугани.

По исчислениям Гаскойна устройство завода обойдется в 625.000 р., а изготовление всего необходимого количества пушек будет стоить всего 530482 рубля. Проект Гаскойна давал казне 5 миллионов. Этого мало; устройство литейного завода на юге России, во вновь завоеванном крае, требовалось рядом других соображений.

Первое—это близость завода от места пребывания флота и крепостей, «куда по востребовании могут быть доставлены без замедления все нужные для них вещи, неговоря о выгодах, приобретаемых от более дешевых цен противу тех, за которые поставляются для флота вещи из отдаленных мест... чрез степные места, отчего часто самые нужные вещи приходят (на) год позже того, как они надобны, а в случае негодности (их), нет уже возможности переменить их».

Второе—«издержки, употребляемые на „зделание“ разных на заводе вещей, обратятся в пользу того края. А притом сооружение завода будет служить образцом науки и для живущих там(о) помещиков, которые, видя (сей) этот пример, будут прилагать старания (к учреждению) подобных заведений и в собственных своих владениях, дабы воспользоваться богатствами, в землях их сокрывающимися».

«Все железные вещи для домостроительства и для хлебопашества, ныне из дальних мест и за дорогую цену привозимые, каждый покупать, будет дешевле и наилучшей доброты, чем поселяне иметь будут способы лучше устроить благосостояние свое».

Третье—„устройство дорог и каналов откроет свободное в тех местах и с другими губерниями сообщение, что послужит к вывозу оттуда каменного угля и разных железных изделий не только во внутренность России, но и в чужестранные государства“.

Четвертое—„Черноморское адмиралтейство тратит суммы «знатные» для изготовления угля древесного и на покупку дров. Город Херсон отапливается камышом, а «камыш наносит в казармах воздух заразительный», город же Николаев лишен и сего растения и служители принуждены собирать траву с немалою трудностью“.

„Равному жребии подвержен и новосозидаемый город Одесса. Сей важный недостаток топлива много может препятствовать (к) распространению новых городов. Дабы облегчить оный и граждан от забот их избавить, вице-адм. Мордвинов почитает нужным заготовлять каменный уголь, будучи уверен, что на это будет достаточно тех сумм, кои издерживаются на покупку деревянного угля и дров ежегодно“.

Вот по каким глубоким соображениям было поручено Гаскойну построить чугунно-плавильный завод на две доменных печи для отливки артиллерийских орудий и снарядов, сверления пушек и для делания балласта, полосного железа и других железных и чугунных вещей при речке Лугани, не подалеку от казенного селения Каменки или Каменным Бродом именуемого, ниже того места, где речки Белая и Ольховая, впадая в Лугань с правой стороны ее, в некотором расстоянии одна от другой делают («учиняют») воды ее полнее и для действия завода способнее“.

Точное определение места постройки заводских зданий предоставлялось самому Гаскойну, которому однако предлагалось принять во внимание, чтобы „завод был в таком расстоянии от впадения речки Лугани в реку Донец, чтобы в весеннее время, от разлива вод этого последнего, не могло быть сильного в Лугани наводнения, которое оказалось бы вредным для заводской плотины и содержания в постоянном действии двух заводских доменных печей“.

Для приведения и содержания завода в действии и для устройства сообщения с окрестными местами, а более всего с казенными землями, где находятся железные руды и каменный уголь, было необходимо провести канал (на протяжении 7 верст) из реки Лугани, пониже соединения ее с р. Белою близь села Александровки до места постройки завода. Этот канал должен был пройти по землям сел Александровки и Елизаветовки (ныне Безумное), принадлежавшим помещику Юзбашу.

Поэтому было решено купить в казну часть этого имения и 300 душ крестьян—рабочих для первоначальных земляных работ. Это имение тем более надо было купить в казну, что для установления равномерного притока вод Лугани, Белой и Ольховой к водяным турбинам завода необходимо было снести 4 мельницы, из которых две принадлежали Юзбашу.

Для работ по углублению русла рек, по добыче каменного угля и руды, укреплению штолен, заготовлению дров и для работ при доменных печах необходимо было до 500 рабочих. Поэтому, сверх покупаемых у помещика Юзбаша крестьян, предполагалось употребить для работы присылаемых в Херсон преступников, а при недостатке их—„пришедших в новые губернии из распущенных польских войск безместных бродяг, которые в известный срок постоянным жительством себя не пристроят“.

Мастеровых для самого завода требовалось 400 человек. Чтобы доставить Луганскому литейному заводу такое количество мастеровых, не было иного средства как перевести их с других казенных заводов. Было предположено взять 300 мастеровых (с семьями) с Липецких заводов Тамбовской губернии. Эти пушечные заводы были учреждены Петром

Первым еще в 1719 году. Но так как вокруг них были уничтожены леса (выплавка чугуна в то время производилась на древесном угле), то отливка пушек и снарядов была переведена на Олонецкие заводы, а Липецкие были упразднены. Но при них остались жить бывшие рабочие, занявшиеся домашним хозяйством и торговлей. Гаскойну было поручено выбрать из этих бывших мастеровых 300 человек и 100 человек с находившихся под его управлением Александровских заводов около Петрозаводска.

Все это было вскоре в точности выполнено. Перевозимые мастера освобождались от подушного оклада и получали на пропитание „задельные по мастерствам деньги“ и даже земли.

Помимо сего количества рабочих Гаскойн предложил приписать к заводу 10.000 душ из живущих, в окрестностях Каменки казенных поселков, крестьян для исправления всех заводских работ; как-то: доставления заводу железной руды, угля, песка и всяких флюсов для проплавки руд и для дела и починки плотин.

Но Зубов дополнил это предложение советом осторожного подхода к этой мере из опасения побегов, «охота к которым последнее время в тамошнем краю еще не совсем истребилась». Надо дать населению время «приобыкнуть и увидеть, что производимые приписными крестьянами работы не (суть) тяжки; тогда уже можно будет об них учинить надлежащее распоряжение, если в сем окажется надобность».

Для перевозки 329.370 пуд. руды и 600.000 пуд. угля, 26.000 пуд. известкового камня и 80.000 пуд. деревянного угля Зубов полагал достаточным иметь на первое время при заводе 200 пар. волов при соответствующем количестве «артиллерийских погонщиков» 200 человек. «Но дабы сей новоустроенный завод снабдить навсегда необходимо нужным числом людей», Зубов испрашивает высочайшее повеление купить в казну однодворческих крестьян (у обедневших помещиков-однодворцев) Курской, Тульской и др. губерний, где эти крестьяне „живут в крайнем изнурении и убожестве“, и переселить их во вверенные ему Зубову, губернии, а не на реку Ингул, как об этом хлопотал еще в 1789 году покойный князь Потемкин Таврический (Указ 7-го Декабря 1789 году). „Извлекаемые сим из бедноты и крайнего изнурения сии крестьяне безсомнительно должны почесть благополучием новое свое состояние“. Из них Зубов полагал приписать к заводу не более 2.000 душ, а прочими заселить порученный ему край. Крестьяне несут свою повинность по очереди, каждый один год из пяти и получают жалованье 12 р. в год; употребление к работам остальных воспрещается под угрозой штрафа, на основании манифеста 1779 года мая 21 дня.

2. Вопрос о рабочей силе.

Для постройки заводских зданий, канала и плотин требовалось до 300 рабочих ежедневно. Такого количества вольнонаемных рабочих в тех местах приискать было совершенно невозможно. Поэтому признается необходимым употребить к тому некоторую часть из польских пленных, (Поляков), полагая каждому человеку в день 10 коп. Также отделить к сей работе один пехотный полк, (плата тоже по 10 к.), так как работы при южных крепостях будут с будущего года уменьшены. В случае недостатка «отыскать из вольно наемных за добровольную плату со всевозможным хранением казенной пользы» (5 руб. в месяц).

Такие сведения о первоначальном контингенте рабочих Луганского Литейного завода, при самом его возникновении, дает нам вышеуказанный доклад графа Зубова царице Екатерине II-ой (копия с копии. Дело № 34).

Прочие уцелевшие „Дела“, несмотря на свою малочисленность и крайнюю разрозненность, необычайно ярко освещают так сказать «рабочий вопрос» на Луганском заводе уже после его оборудования.

Гаскойн был основателем и директором не только Луганского завода. Ему было поручено управление старыми Олонецкими и Кронштадтскими пушечными заводами. Он же перед этим заведывал и Александровским оружейным заводом (Дело № 20, лист 28). Кронштадтский пушечный завод по указу Павла I 28-го Февраля 1801 года, ввиду опасения войны с Англией, Гаскойн перенес на собственную дачу, „на девятой версте от Калинкина моста по Петергофской дороге, как раз между дорогой и левым берегом Рижского залива“. Это и есть знаменитый впоследствии Путиловский завод, ныне «Красный Путиловец». („Путиловским“ он назван по имени морского инженера Путилова, снявшего его в 1868 году в аренду у казны).

Вот с этих то заводов помимо упраздненных Липецких, как это мы видели выше, и была взята первоначальная квалифицированная рабочая сила для вновь устраиваемого Луганского завода.

«Дела» полны оживленной перепиской Гаскойна с Соймоновым, Ковниным (Олонецкий генерал-губернатор), губернаторами Куракиным (Херсон), Бакуриным (Малорос. губ.), Хорват (Екатеринославск. губ.), Миклашевским, (Новороссийской губернии), о пересылке мастеровых на Луганский завод не только с Олонецких, Кронштадтских и Липецких заводов, но и с Кременчугского, Александровского, Тульского. (Дело № 43—1796 год., № 20—1797 г.; № 34—1795; № 37—1802 г.). Еще не обсыпался и блестит песок на подписях этих графов, генералов, статских советников и кавалеров. (См. напр. подпись Соймонова в Деле № 46, лист 3 и в Деле № 20 лист 5, 7, 13).

Сколько горя и слез вскрывает исследователь из под песка подписей этих великих мира сего! Так в письме графу Соймонову, от 10-го марта 1796 г., (Дело № 43) Гаскойн сообщает, что Ген-губерн. П. П. Ковницын «с удовольствием согласился отдать в совершенное употребление Луганского завода 50 отборных стрелков» из Петрозаводского завода, из которых, он Гаскойн, отобрал 32 человека и направил в Луганск. Все (пишет Гаскойн) прибыли благополучно до Ярославля, кроме одного из них, который, при самом выезде из Петрозаводска, прощаясь со своим местом (зачеркнуто „приятелями“), столь неосторожно напился, что на первой станции скоропостижно умер“.

Еще лучшие дела творились «соответственно Высочайшему блаженныя и вечно достойныя памяти покойной Государыни Императрицы Екатерины Вторья указу» (14-го Ноября 1795 г. в Деле № 46 лист 5 Указ генерал-аншефу Тутолмину). В Деле № 36 находится интересный ордер № 64 от 7-го Декабря 1796 г. о пересылке в Каменный Брод на литейный завод «ко употреблению на работы четырех российских подданных, бывших в Молдавском княжестве разноверцев: поляка Зелинского Иосифа с женою, армянина Артема Аракира, молдаванина Петра Неделку и еврейна Соломона Давидовича, шатавшихся в том княжестве по местечкам без прочных занятий и потому нигде более немогущих быть полезными,

как ко употреблению их на казенные работы". Хороша атестация „казенной работы" в устах официального лица! Хороша и участь этих несчастных невольников зарождающегося русского капитализма!

Но все эти «Дела» меркнут перед „Делом о присланных на Луганский Литейный завод ко употреблению в работу польских бродяг, состоящих под стражей". Это „Дело" достойно прямо специальной обработки. К сожалению я не знаю, известно ли оно нашей дореволюционной исторической науке. И Гаскойн, и Соймонов, и Екатеринославский губернатор Хорват знали хорошо, что делают ужасное дело, но ничего не могли поделать против силы высочайшего указа „блаженных и вечно достойных" памяти покойной государыни Екатерины II-ой".

От этого „Дела" уцелело только три сшитка: № 19, 36 и 46 по теперешней описи, а по прежней описи Архива № 8 и 9, а № 17 не имеет номера прежней описи, так как оторван заглавный лист. Дело длилось с 16 августа 1797 года по 19-е Ноября 1802 года, т. е. с момента подачи прошения поляками Гаскойну и до указа Сенату об их освобождении. Об этом деле лучше всего говорит дошедшее до нас подлинное прошение самих польских так называемых „бродяг" на имя директора завода Гаскойна. Я привожу его полностью:

«Его Високородию Господину Статскому Советнику, Директору заводов и Кавалеру Карлу Карловичу Гаскойну.

От находящихся при Луганском заводе арестантов, состоящих из польских войск Хорунжего Петра Филкевича, наместников Ржевутского, Даревского, Токарского, подлекаря Левандовского и нижних чинов, всего семидесяти человек.

ПРОШЕНИЕ.

Быв мы все генерально в службе польской и по распусчении нас по случаю разделения на губернии, вновь приобретенные Россиею, с данными от господина генерал-фельдмаршала графа Суворова Рымникского пашпортами находились мы в домах своих при исправлении хозяйственных экономий; а в прошедшем году к немалому нашему сожалению, в бытность господина генерал-губернатора Тутолмина были из нас 74 человека, не зная по каким повелениям, земскими исправниками Брацлавской губернии из домов наших, по отобрании настоящих пашпортов, взяты и отосланы к Екатеринославскому губернатору Хорвату, от коего все мы уже отосланы в Луганский завод в работу, где и поныне находимся, исправляя все по заводу работы с немалым о несчастном нашем жребии сожалением.

А как мы слышали, что от его императорского величества последовало в прошлом еще году и повелено, дабы подпавших под наказание, заточение и ссылку, по случаю бывших в Польше замешательств, всех таковых освободить в прежний их жилища. Каковым милосердием его величества желая и мы воспользоваться, всепокорнейше Ваше високородие припадая слезно просим, на основании последовавшего от его величества повеления приказать нас в свои жилища распустить, снабдя настоящими для проходу письменными видами или же по невозможности вашей сверхчаяния нашего куда следует об нас представить, на что и ожидаем милостивого вашего разрешения. Августа 16-го дня 1797 г."

Следует шесть подлинных подписей вышепоименованных высших чинов, а „за всех нисших чинов и себя подписался вахмистер Иван Бендаровский“ (Дело № 46).

Вспомним, что как раз в 1795 году состоялся третий и последний раздел польши между Россией, Пруссией, Австрией. Вожди последней отчаянной борьбы поляков за независимость во главе с генералом Костюшко были заключены в Шлиссельбургскую крепость, сосланы в Сибирь, а войска расформированы. Но в 1796 году умерла Екатерина II-ая, на престол вступил ее 40 летний сын Павел Первый. Он глубоко ненавидел свою „блаженная памяти“ мамашу и на каждом шагу не упускал случая отменять ее распоряжения, резко изменяя ее внутреннюю и внешнюю политику. При Павле Польша, конечно, осталась под русским игом. Но он решил хоть сколько нибудь привлечь к себе симпатии поляков и зная, какой огромной популярностью пользуются в Польше герои последней борьбы за независимость и как каждый поляк ненавидит Екатерину, Павел лично посетил в крепости Костюшко и издал 5-го Апреля 1797 года манифест об освобождении всех пленных и о возвращении их в прежние жилища на родину. Вот об этом то манифесте узнали и наши польские „арестанты и бродяги“, присланные в работу на Луганский завод в силу указа Екатерины II-ой от 14-го Ноября 1795 года и ордера графа Зубова к Екатеринославскому губернатору Хорвату от 8-го Января 1796 года № 10 (см. 5 лист Дело № 46).

Между прочим этот ордер Зубова предписывал Хорвату направлять на работу в Луганский завод „по первому требованию—Гаскойна“ не только „преступников, присылаемых в Херсон за вины“, но и «пришедших в новые губернии из распущенных польских войск, безместных бродяг, которые в известные сроки постоянным жительством себя не пристроят».

Прошение самих поляков и то, что их все-таки, хотя и с ужасным промедлением, но освободили и водворили на родину (с наделением каждому по 15 десятин земли, в случае желания поселиться в Новороссийской губернии), ясно показывает, что за преступники и бродяги были эти несчастные поляки.

Суворов, разгромив Польшу, наделяет паспортом оставшихся на родине расформированных польских воинов. Те приступают к мирному исправлению своих «хозяйственных экономий». И вдруг „неизвестно по каким повелениям“ в бытность ген. губ. Тутолмина (теперь известно по чьему повелению) у них отобрали присланные паспорта, выгнали из дому и отослали к губернатору Хорвату, а тот передал их на Луганский завод, «как бродяг, праздно проживающих в отягощение обществу» [см. ордер от 7-го Дек. 1796 г. в Деле № 36.] И вот с Августа 1797 по Ноябрь 1802 идет волокита по этому вопиющему делу.

В ответ на прошение поляков Гаскойн в Ноябре 1797 г. начал безконечную переписку по этому делу. Гаскойн пишет Соймонову, Соймонов отсылает его к Хорвату и его заместителю Селецкому. Затем дело через генерал-прокурора Куракина переходит в сенат. Ведется следствие с допросом и выяснением личности каждого, так как среди польских воинов оказалось четыре бывших русских солдата, перешедших в польскую армию (см. подлинный протокол допроса в сентябре 1798 года, в Деле № 36 лист. 64).

А тем временем, получая за работу „по две копейки денежного по-
рциона на день“, (см. требование поручика Сомова от 1-го мая 1797 г.
в Деле № 36, лист. 28, подлекарь Левандовский получал 3 рубля в м-ц
за службу при лазарете и аптеке, см. счета доктора Ив. Матв. Даля за
1794 год в Деле № 2 о закупке в крепости ростовской и в Таганроге
медикаментов), «благородные польские шляхтичи» умирали, не дождавшись
освобождения или, притворившись больными, убегали из заводской боль-
ницы. Так, из 82 „польских бродяг“, присланных в разное время на Лу-
ганский завод, умерло 15, бежало 8, четыре оказалось беглыми россий-
скими солдатами и препровождены к воронежскому коменданту Нечаеву
(Из журнала Правления завода от 25 Января 1802 г. В Деле № 17 лист
125. Также см. рапорт от 18 Апреля и 30 мая 1798 г. в Деле № 108).

Наконец, уж при царе Александре 1-ом, по указу Сенату от 19-го
Ноября 1802 года. 55 уцелевших польских невольников Луганского заво-
да были освобождены от работ на заводе с правом вернуться на преж-
ние места жительства или по желанию поселиться в Новороссии с выде-
лением им в таком случае по 15 дес. на душу из пустопорожных земель,
но «без всякого от казны вспоможения» (Дело № 17 лист 130). И только
один подлекарь Левандовский не ушел ни на родину ни на поселение и
„просил о дозволении остаться в селе Каменном Броде» (см. Журнал
Правления от 11 Марта 1802 г. в Деле № 17 лист 157).

Трагическая судьба 82-х „польских бродяг“, а также молдаванина
Неделки, армянина Аракира и «евреина» Давидовича вскрывает нам один
из способов привлечения рабочих на казенные заводы в конце XVIII века.
Это нечто вроде обычной, в том веке, охоты испанцев на африканских
негров, продававшихся в работу на плантации американских капиталистов.

Другой способ привлечения рабочих--чисто крепостнический. На вновь
созидаемый завод рабочие-мастеровые, за недостатком вольных, перево-
зились с других заводов. И для Луганского завода квалифицированная
рабочая сила была по царским указам взята Гаскойном с Липецких, Алек-
сандровских, Херсонских, Кременчугских, Козменских и Боренских заво-
дов (см. Дело № 5 по прежней описи и Дело № 20).

Липецкие заводы, как было выше указано, к моменту возникновения
Луганского завода были уж давно упразднены. По пятой ревизии при
этих заводах состояло 1760 душ мужского пола. Вопреки указам 1736,
1746 и 1761 годов, Тамбовское губернское правление отпустило многих
из этих мастеровых в купечество и мещанство в разные города. И вот
Сенат указом 24 Декабря 1797 г. предписывает „без всякого промедле-
ния возвратить в первобытное к заводам состояние всех этих людей и
отдать в ведомство статского советника Гаскония“ Сенат сделал исклю-
чение только для одного „бывшего мастерового Морозова, который во
исполнение высочайшего указа от 2-го Апреля 1797 г. оставлен в харь-
ковском купечестве“.

Интересно осветить эту исключительную высочайшую милость для
купца Морозова сообщением члена Правления Луганского завода Якова
Нилуса, которому Гаскойн поручил все это дело о возвращении бывших
Липецких мастеровых из купечества и мещанства в первобытное состоя-
ние. Обследовав на месте, в Луганске, положение дела, Нилус 29-го Мар-
та 1798 г. отсылает Гаскойну при рапорте списки бывших мастеровых
(см. Дело № 20) и отмечает, что „большая часть их в отлучках. Сказы-
вают, что они, собрав между собою несколько денег, отправили избран-
ных в Петербург для исходатайствования прежнего их (т. е. мещанского

или купеческого) звания, чему я верю, так как все, имеющие хоть малое состояние, удалились частью самовольно, частью, как говорят, с паспортами выданными давно магистратами (от магистрата данными давно прошедшими числами), т. е. в давнее время. "Очевидно, купец Морозов не малое состояние приобрел в Харькове, если ему удалось добиться высочайшей милости не быть возвращенным „в первобытное состояние“. Что касается тех мастеровых, которые „за старостью“ остались в Липецке, то даже и эти, как говорит Нилус, „были мною с нуждою собраны и то не все, ибо благодаря билетам (за билетами) полученным (и) от шихмейстера Чернявского, считают (почитают) себя от здешней заводской конторы независимыми и никакой команды не знают и не представляют детей (годных к заводской работе В. Ф.) к осмотру, а о умерших и вновь родившихся никуда не рапортуют“. (Дело № 20, лист 61).

Конечно, дети приписываемых к заводам мастеровых на крепостной фабрике тоже считались крепостными рабочими. В письме от 14-го Апреля Нилус сообщает, что из детей Липецких мастеровых он назначил к перевозке на Луганский завод (по предложению управляющего Андрея Пикарона) 20 мальчиков от 11 до 15 лет «коих можно соответственно их силам, употребить в работу и смотря по склонностям и способностям обучить мастерству» (лист 62).

Было решено, во избежание лишних расходов при Луганском заводе, не завозить сюда „Липецких мастеровых с застарелыми болезнями и стариков, имеющих при себе детей, не могущих быть употребленными ни в какую заводскую работу и обеспеченных собственными домами и способами к пропитанию“. (Дело № 20, лист № 129, 28 Января 1798 года. письмо Соймонова Гаскойну). Мастеровые на всех перечисленных выше заводах были тщательно переосвидетельствованы и на Луганский завод отобраны и пересланы с семьями только вполне здоровые, самые годные к делу, „трезвейшие в образе жизни“.

Оживленная переписка Гаскойна с Соймоновым, с Екатеринославским губернатором Яковлевым и заведывающим Кременчугским оружейным заводом Ковнацким, с шихмейстером Чернявским (Дела 20 и 5) и членом Правления Луганского завода Нилусом очень ярко иллюстрирует эту тщательность и трудность отбора, годных для работы при Луганском заводе мастеровых. При Деле № 20 имеются многочисленные списки подверженных тщательному осмотру Липецких мастеровых с целью пересылки их на „Лугань“. Для наших целей не столь важно количество признанных годными к пересылке мастеровых (58-41), сколько яркое описание их положения на Липецких заводах, которое в те времена было одинаково на всех наших и казенных и тем более частных заводах, а в том числе и на Луганском.

Из Рапорта Чернявского (Дело № 20, Лист 24) мы узнаем, что дома Липецких мастеровых, или от недостатка в той стране леса, или от их бедности, весьма тесны, низки и почти вросшие в землю, Сверх того и по чрезвычайной нечистоте, как в жилищах, так в одежде и кушанье, можно сказать с достоверностью, что весь тамошний народ слабосилен и нездоров и прежде времени состаривается. К этому надо присоединить и «чрезвычайные болезни, с давнего времени среди них поселившиеся и не убывающие, а растущие вследствие тесноты и грязи жилищ». Эти болезни, можно сказать, врождены всем мастеровым. Это делает их преждевременно дряхлыми и потому не удивительно, если они до пятидесятилетнего возраста становятся неспособными ни к какому труду.

Положение согнанных отовсюду на Луганский завод отобранных по здоровью и трезвому поведению мастеровых было тоже очень тяжелым. Сам Гаскойн в своем рапорте Соймонову 12 Сентября 1800 г. (Дело № 19, лист 117) сообщает, что большая часть мастеровых, особенно при угольной ломке каждую осень и весну болеют лихорадкой и горячкой, „от которых все тамошние жители весьма расслабели, а напоследок должны совершенно лишиться всех сил“. К тому же лечить их некому, так как лекарь Ратч умер. Гаскойн просит Соймонова поскорее прислать врача, так как повальные болезни среди рабочих сильно тормозят работы на заводе.

В Деле № 53 (по прежней описи) сохранился рапорт этого самого заводского лекаря Ратча (Ratsch) от 3-го Июня 1798 г. о расходе медикаментов с 1-го Мая 1797 г. по 1 Января 1798 г. Просматривая поименный список больных, мы действительно видим, что на первом месте стоят болезни—горячка (тиф), лихорадка, ревматизм („ноги ломит, руки ломит“) и довольно часто попадают венерические болезни, цинга и „резь в животе“. В заводском госпитале количество больных весною и осенью держалось около сотни (Рапорт Гаскойна 12-IX 1800 г.).

Так, положение „всех тамошних жителей“, т. е. рабочих, сооружавших, закладывавших основание Луганского завода, было чрезвычайно тяжелым. Неблагоприятные климатические условия, несомненно полное отсутствие облегчающих работу в шахтах технических приспособлений, плохие жилища, питание и слабый врачебный уход делал положение рабочих чрезвычайно тяжелым, коротко говоря, приводило рабочего к преждевременной потере работоспособности.

Но главным бичем тогдашнего рабочего были крайне низкая зарплата и рабская крепостная зависимость. Выше мы неоднократно указывали, что обыкновенный чернорабочий получал по 10 коп. в день. Даже польский „бродяга“ Левандовский, исполнявший обязанности подлекаря при заводской больнице, получал только 3 рубля в месяц.

Жалованье мастерового колебалось от 60 до 120 р. в год (см. Рапорт Бухгольца Зубову в Деле № 5 по прежней описи, лист 21). В случае увольнения от работы по нездоровью или старости, мастеровой получал от казны „на пропитание по 15 дес. на душу“ (Рапорт Гаскойна Соймонову в Деле № 20, лист 21.).

Люди работали «без всякой надежды составить себе какое либо состояние», созидали мощь государства ценою преждевременно-надломленного здоровья и потери жизни.

Более решительные-убегали; отчаявшиеся, слабые—предавались п'янству. Основатель Луганского завода, Карл Карлович Гаскойн, иностранец—великолепно понимал крепостные условия тогдашней русской жизни. Насколько позволяли обстоятельства, он оберегал своих рабочих, старался поощрить их исключительными наградами, заинтересовать в деле, повысить их производительность, отвлечь от пьянства и побегов и таким образом обеспечить порученные ему заводы довольной своим положением, трезвой и производительной рабочей силой.

С трогательной искренностью, прямою, достоинством и независимостью иностранца он защищал свои мероприятия перед своим начальством, заботившимся лишь о „всевозможном хранении казенной пользы“. Тут кстати отметить, что огромная деловая переписка Гаскойна дает нам возможность свидетельствовать исключительно выдающиеся и высокие качества души и ума основателя г. Луганска. За строго официальным,

почтительным военно-канцелярским языком всяких рапортов, ордеров, предложений и реверсов мы не видим людей: все корреспонденты Гаскойна — лишь чиновники. И только один Карл Карлович сумел вдохнуть в свои деловые бумаги «душу живу». Среди своих корреспондентов Гаскойн выделяется прежде всего авторитетностью, глубоким знанием своего дела, живым интересом к нему и, что самое важное, человеческим, чутким отношением к мастерам, которых он стремился заинтересовать и привлечь к делу наградами, поощрением, а не использовать их только, как крепостную машину, не смеющую рассуждать. На крайне развитое среди тогдашних «мастеровых» пьянство он смотрит, как на весьма убыточное общественное зло и всеми, зависящими от него мерами, борется с ним.

«Главный директор всех горных и монетных дел в России» Соймонов указывает своему подчиненному Гаскойну, что среди мастеровых Луганского завода находится три токаря с Херсонских заводов с жалованьем по 96 р. в год, „что кажется мне, не может быть заводу выгодно, вследствие неимения в оном настоящего еще действия“. Поэтому Соймонов предлагает или употребить их к должности, приносящей казне соответственную их высокому (?) жалованью пользу, или, в случае неспособности, возвратить их к прежней команде (См. Дело № 20, лист 24 за № 139 от 1 Февраля 1798 г.) Гаскойн в ответ на это заявляет, что жалованье этих токарей „только по наружности превышает жалованье прочих, так как они не получают пайков и амуниции. „Отослать же их к прежней команде, я думаю, будет не удобно, потому что: 1) Херсонские заводы уничтожены, и 2) токари ко мне препровождены по высочайшему повелению“ (!).

Далее Соймонов спрашивает Гаскойна, почему он мастерам Липецких и Александровских заводов, переведенным на строящийся и еще не действующий Луганский завод не только выдает прежнее жалованье, но еще и награды. По мнению Соймонова зарплату следует выдавать или соответственно тому, что мастера делают в настоящее время, или по окладу; награды же только за сверхурочные работы. Гаскойн на это прямо отвечает, что на свой завод он выбрал „самых лучших в своем деле и трезвейших в образе жизни людей, чтобы тем лучше устроить завод и с самого начала хорошо поставить на нем дело. И хотя на строящемся заводе еще не производятся соответствующие их специальности работы, но эти мастера так хорошо исполняют порученную им работу, что он, Гаскойн, не может ни понизить их прежние оклады, ни отнять награды, так как „это сопряжено было бы с крайней для них обидою“.

Защищая произведенные им повышения ставок и надбавок мастерам, Гаскойн говорит, что если лучших мастеров ограничить одним жалованьем, то „они потеряют всякую охоту к усовершенствованию в мастерствах, так как, не имея возможности составить себе какое либо состояние, они предаются пьянству. По сей причине редко увидите в России хорошего мастера, не подверженного сему пороку. При начале моего управления Александровским заводом я, так сказать, откупил у мастеровых все праздники, прибавя им за оные плату по числу праздничных дней, чем не только удалил их от праздности и сопряженного с нею (при тогдашних культурных условиях в России В. Ф.) распутства, но и отвлек от частных (партикулярных) работ, к которым они, конечно, прилагали больше внимания, смотря на них как на единственное средство к достижению благосостояния. Чтобы привлечь их полное внимание к делу и внушить им охоту к усовершенствованию в мастерстве, я определил им награду из прибылей завода, соразмерно количеству и

качеству (доброте) вырабатываемого и этим способом приобрел хороших мастеровых, может быть такие награды кажутся несоразмерными «по необыкновению здешних заводов», но выгоду их осмеливаюся доказать тем, что выработанное 400 мастеровыми, во время прошедшей войны со шведами, количество материалов на всяком ином заводе потребовало бы 4000 работников». (См. Рапорт Гаскойна Соймонову 10 Февраля 1798 года в Деле № 20). Соймонов в конце концов согласился с доводами Гаскойна (см. письмо 4 Марта).

Насколько было развито среди рабочих пьянство и как губительно оно отражалось на деятельности заводов, видно из того, что, принимая на себя сооружение Луганского завода, Гаскойн еще в докладе Зубову 16 Июня 1795 г. (Дело № 34) решительно просит „воспретить продажу вина и всяких крепких напитков не только на заводе, но и его окрестностях“. Эта мера, по мнению Гаскойна, может быть благоприятной при сооружении завода. В противном случае рабочие немедленно „начнут продавать с себя платье, инструменты, а в дальнейшем будут относить в питейные дома и все то, что смогут унести с завода. В другом месте своего доклада, говоря о перевозке „на Лугань в Каменный Брод“ первых мастеровых из Петрозаводска, Гаскойн предлагает везти их водяным путем, так как этот путь (надо ехать шесть недель) „не только удобнейший, но и полезнейший для их здоровья“. Они на воде, конечно, будут лишены средств предаваться пьянству и беспорядкам, что невозможно или по крайней мере весьма трудно устранить на сухом пути“. (Дело № 34, стр. 19). Между прочим, настаивая на уничтожении продажи крепких напитков [в районе строящегося завода, Гаскойн обращал внимание Зубова и на донских казаков, „с коими могут часто случаться ссоры и которые, следовательно, будут для завода весьма беспокойные соседи“.

В своем докладе Гаскойн прямо заявляет, что „наблюдение за здоровьем своих мастеровых он считает первейшим своим долгом“. Средства же, выработанные им на основании опыта управления Кронштадтским заводом, где за 8 лет умерло всего 5 человек, весьма простые, а именно: кроме воскресений и четырех дней в году, кроме этого все праздничные дни уничтожаются; пьяницы лишаются награждения, а трезвые его получают; наблюдение чистоты и открытого воздуха в избах; употребление полпива вместо вина; присмотр человека, который старался бы искоренить малейший признак болезни.

3. „Управление Луганского завода и Высший Технический Персонал“.

Добыча каменного угля по правилам горного искусства, его подъем на поверхность, обжиг угля в доменных печах, отливка воды из шахт и употребление паровых машин—все это было „совершенно новое в России дело“.

Гаскойну было поручено вызвать из Англии сведующих мастеров, „доколе собственные мастера приобвыкнут к сему новому делу“ (Доклад Зубова, подписанный Екатериной 14 Ноября 1795). Машины и все оборудование Луганского завода, по предложению Гаскойна, было предположено изготовить на Александровском заводе в Петрозаводске (Доклад Гаскойна). Вот список приглашенных Гаскойном „английских художников“,

1. Шариф Егор—главн. Механик при Доменных печах
жалованье	1.400 р. в год.
2. Адам Смит—инженер механик при открытии уголь-
ных шахт	1.200 р. „
3. Тимофей Ронер—первый литейный мастер	1.200 р. „
4. Василий Норман—первый архитектор	1.200 р. „
5. Иван Робертсон—кирпичного дела мастер	800 р. „
6. Данила Макли—столярного „ „	800 р. „
7. Яков Гарди—кузнечного „ „	800 р. „
8. Роман Робертсон—чертежный мастер	600 р. „
9. Яков Гогард—столярного дела „	600 р. „
10. Яков Низбет—земляные и садовые работы	600 р. „
11. Даже первый бухгалтер Василий Морган, был выписан
из Англии с окладом	800 р. „
12. Иван Ратч—заводской лекарь, после смерти он был за-
менен Иваном Далем	560 р. „
12. Управляющим и членом Правления завода, по особому
доверию Гаскойна, был назначен бывший смотритель
Кронштадтского завода Андрей Пикарон	1.200 р. „
14 и 15. Позднее членами Правления были назначены
Яков Нилус	800 р. „
и Давид Бидберг	480 р. „

Наконец по особому контракту в Феврале 1799 г. был приглашен на должность супер-интенданта члена Правления с окладом в 1.500 руб. Валкер, мастер по устройству паровых машин. Вследствие резких конфликтов с Правлением, Гаскойн уволил Валкера в Апреле 1801 г. (См. об'емистое Дело № 19, по прежней описи).

Все выписанные из Англии „художники“ получили прогонные из Англии до Донецка (т. е. Славяносербска); к тому же квартиру, дрова и свечи, сколько понадобится.

Кроме всех этих благ, огромного жалованья и казенного содержания, Гаскойн предложил Правительству Екатерины наградить приглашенных им специалистов каким либо гражданским или военным чином и „уделить некоторую часть земли, дабы побудить их ехать на вновь учреждаемый завод и даже родить в них желание навсегда там пристроиться“. Очевидно, просьба Гаскойна была уважена, так как он «осмелился уверить приглашенных, что ваше сиятельство (т. е. Зубов) по известному мне великодушию вашему не оставите принять приличные к удовольствованию их меры“.

Понятно, что небыл обижен и сам Гаскойн, если он до самой своей смерти остался служить в России. Он получил дачу близ Петербурга, которую потом выгодно продал под переведенный Кронштадтский, впоследствии Путиловский завод. Получил чин статского советника и ордена. Наконец, по контракту 1789 года было обусловлено, что „впредь, пока будет продолжаться его служба в России, он будет получать ежегодно жалованья по две тысячи пятисот фунтов стерлингов в год по курсу российских денег в Англии“.

Трудно поверить этой огромной сумме. В конце XVIII века, когда пара волов стоила 30 рублей, директор заводов получал около 25 тысяч рублей в год. Было из-за чего покинуть родину и забыть ее...

Вышеуказанному Правлению из трех Англичан было поручено сооружение завода, доставка рабочей силы и добыча угля, руд, чугуна, машин.

По открытии же завода было предположено учредить при Екатеринославской Донецкой палате экспедицию для управления литейного завода из трех лиц (см. Доклад Зубова), в состав которой Гаскойн, между прочим, просил назначить советником помещика Петра Ивановича Штерича (см. доклад Гаскойна), который „только ради благоволения царицы и любочестия“ обязался безвозмездно доставлять на Луганский завод из своего имения „Белая“ ежегодно около 400.000 пудов руды и 600.000 угля. Штерич просил лишь доставку руды и угля передать его крестьянам в целях под'ема их благосостояния, а для себя просил генеральский чин. (См. интересную и богатую переписку Штерича с Гаскойном на русском, английском, немецком и французском языках в Деле № 39 за 1801—1803 годы).

Выписывая с громадными издержками „английских художников“, Правительство стремилось при их помощи создать так сказать смену им из русских людей. В феврале 1799 года по царскому указу Берг-Коллегии были командированы по выбору Гаскойна 10 студентов Петербургского горного училища на различные заводы „для научения практическому заводопроизводству“.

В целях поощрения молодые практиканты были уравниены в своем положении с горными офицерами и получали жалованье по 180 р. в год и прогонные. На Луганский завод были отправлены три студента—Ильин, Соколов и Пиленко. Каждому из них были выданы прогонные на 1600 верст по 33 р. 74 к. и $\frac{1}{3}$ годового жалованья вперед. Уже в Июле 1800 года все эти практиканты за успехи в работах были представлены к офицерским шихтмейстерским чинам 13-го класса. Все они были приведены к присяге и с них были произведены вычеты „за повышение чина“.

В Деле № 29 имеется интересный образчик присяги „Клятвенного обещания“. Отмечу трагическую судьбу одного из этих первых русских горных инженеров, Соколова Ивана Алексеевича. Страдая от „жесточкой боли в животе“, он 16-го Мая 1801 года застрелился в станице Аксай. В Деле № 29 имеется подробный материал этого несчастного безвременно погибшего, несомненно способного и весьма образованного русского горного инженера.

4. Приписанные к Луганскому заводу крестьяне.

Для доставления к заводу руды, угля, песков и флюсов для проправки руд, а также для направления всех заводских работ, для делания и починки плотин „по примеру прочих заводов“ и к Луганскому заводу были приписаны крестьяне казенных селений, расположенных вокруг вновь строящегося Луганского завода.

За недостатком места я не стану вдаваться в подробности этого весьма сложного дела о приписанных к заводу крестьянах. В моих руках было 4 дела (№№ 34, 9, 17 и 42 за 1797 и 98 г.) Они дают богатый материал для изучения дела снабжения казенных заводов крестьянской рабочей силой и положения этой силы при заводах. Укажу лишь, что в результате огромной переписки, к Луганскому заводу было приписано 2088 душ мужского пола следующих окрестных казенных селений: Городище, Петропавловка, Орехово, Фащевка, Каменное, Красное и Вергунка.

Помимо работ с каждой души мужского пола полагалось собрать по 3 четверти ржи и по 3 четверти ярового на прокормление мастеровых завода (см. Ведомости в Деле № 42, лист 68 и в Деле № 9). Было высчитано (см. Доклад Мордвинова в Деле № 34 стр. 48), что для перевозки руд, угля и проч. понадобится 15,231 подводы. Сыскать такое количество подвод в окрестностях нового завода было невозможно и потому было решено на первых порах купить 200 пар волов (6000 р.) и 200 фур (2400 р.) (См. дело № 51 по прежней описи от 1-го Июля 1798 г.). В дальнейшие годы правление завода давало наряды приписанным крестьянам на перевозку точно обусловленного количества угля и руды. Так в 1800 г. 1037 душ должны были вывезти на завод 124.440 пуд. угля и 1037 душ 144,894 пуда руды. Но вследствие неимения волов, многие крестьяне стали сами нанимать на свой счет вольных фурщиков, платя им дороже, чем завод.

Вследствие этого, Правление завода позволило крестьянам вносить с каждой души по 1 р. 70 коп. по заводской таксе, „через что крестьяне остаются довольны и завод ничего не теряет“, тем более что доставка угля и руды производится нормально и эта мера вполне законна. (См. Дело № 17 записку от 11 Сентября 1801 г. и Дело № 34 Доклад Мордвинова стр. 48).

Так было положено основание будущему гор. Луганску. Сооружение нового завода подвигалось очень медленно. Имеющиеся в архиве материалы свидетельствуют о больших прениях между Правлением и „английскими художниками“. Повидимому были попытки подорвать доверие к Гаскойну высшего начальства.

Особенно интересно в этом отношении письмо Гаскойна Соймонову 12 Сентября 1800 года (См. Дело № 19, лист 117). Оно прекрасно иллюстрирует состояние Луганского завода на пятом году после его основания. В самом начале письма Гаскойн „откровенно“ сообщает Соймонову, „что Луганский завод совершенно из моей субординации (подчинения) вышел, вследствие разных недоразумений между членами Правления и иностранными художниками, не имеющими ни обязанности ни поощрения посвятить себя на пользу завода, а главным образом вследствие ненахождения на месте настоящего начальника, который мог бы разрешить всякие, ежедневно возникающие происшествия, от которых зависит успешность работ и самый успех завода. Я должен донести, что все мои первоначальные предположения, в свое время одобренные, ныне весьма ограничены, почему время, означенное для окончания завода, весьма просрочено. Вследствии этого и более всего вследствие неимения надлежащего количества людей для окончания завода и разработки угольных и рудных приисков, все первоначальные предположения не могут быть выполнены по смете. Но несмотря на это „заведение Луганское непременно должно принести чрезвычайную пользу тамошнему краю“.

„Для проведения всего в должный порядок я не нахожу иного средства, как быть самому продолжительное время на самом заводе, получив всех обещанных сначала людей и средства. Что касается меня, то надеюсь Вы удостоверены в моем усердии и готовности приведению всего к желанному окончанию. Мне известно, что Вы имеете (Вам поданы) весьма дурные сведения о руде и угле тамошнего края. Но на самом деле, как и прежде, еще в 1794 году я доносил, весь тот край изобилует признаками угля и железных руд, которые по сие время, не знаю по каким причинам, разработаны не были. Недавно были открыты новые прииски,

которые разработаны с весьма хорошим успехом. Сверх донесений Волкера, в 12 верстах от завода открыт новый слой угля. В Городище найдены многие жилы железной руды в 10-12 дюймов толщины. В с. Петропавловке жилы весьма хорошей руды тоже от 10-18 дюймов. Найдены руды и в помещичьей земле (не указано чьей В. Ф.) «Пикарон, на извещения которого я твердо могу положиться, доносил мне, что добыча железной руды обойдется от 4 до 5 коп. пуд и содержит в себе до 50% чугуна. Уголь же на месте обходится ниже 4 коп.».

В заключение Гаскойн снова указывает, что немалым препятствием в добыче угля и руд является сильное заболевание рабочих, которых в данное время некому лечить, вследствие смерти лекаря Ратча. Гаскойн просит прислать какого либо лекаря, чтобы остановить развитие среди рабочих тифа и малярии, свирепствующих там каждую весну и осень, „отчего все тамошние жители весьма расслабели и на последок совершенно должны лишиться всех сил...“

И сам основатель гор. Луганска, Карл Карлович Гаскойн, умер в построенном им заводе и похоронен в нынешнем Ботаническом саду, но место его погребения не известно.

Пролетарі всіх країн, єднайтеся!

~~К. 6636~~

РАДЯНСЬКА ШКОЛА

— Б Ы В Ш. —
„ПРОСВЕЩЕНИЕ ДОНБАССА“

Орган Луганского Окрпаркома, Окр. Отд.
Народ. Образования и Донецкого И. Н. О.

1928
кв. 498.

12

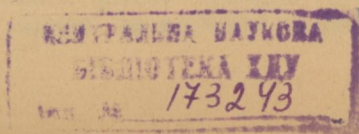
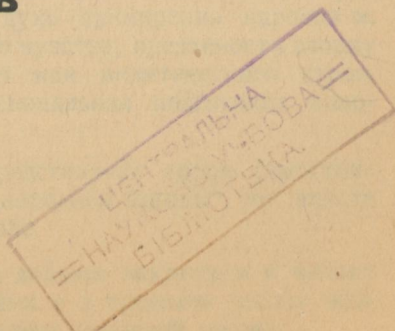
52

ОКТАБРЬ

1926

ГОД ИЗДАНИЯ 5-й

гор. Луганск.

88